

Собеседник

Романовский Борис Васильевич

Ведущий

Богатова Татьяна Витальевна

Дата записи

Беседа записана 15 марта 2012 и опубликована 23 мая 2014.

Введение

Во второй беседе Борис Васильевич Романовский рассказывает об особенностях учебы и работы в МГУ после переезда в новое здание на Ленинских горах. Вспоминает стеклодувов и мастеров химического факультета, иностранных сокурсников, работу в лаборатории кинетики и катализа. С особенной теплотой и признательностью говорит о своем выдающемся учителе Клавдии Васильевне Топчиевой.

Вторая часть беседы посвящена году преподавания на Кубе. Ученый рассказывает о том, как выучил язык, какие предметы пришлось читать в провинциальном университете города Санта-Клара, как жили наши преподаватели и какие с ними случались истории.

Татьяна Витальевна Богатова: Сегодня продолжаем разговор о вашем пути в химии и в жизни. Мы в прошлый раз закончили на том, что вы вернулись с Кубы.

Борис Васильевич Романовский: Но я слишком мало рассказал про Кубу, поэтому как раз сегодня я хотел этот, если хотите, пробел (поскольку он самым непосредственным образом связан с именем Клавдии Васильевны Топчиевой, моего учителя) поподробнее заполнить. Когда сегодня я вспоминал все нюансы, то вспомнил много интереснейших эпизодов. Интересных самих по себе, жизненных эпизодов.

Т.Б.: Очень хорошо.

О трех профессиональных этапах

Б.Р.: Думаю, что у меня, как и у всякого моего ровесника, то есть у людей нашего поколения, «долгая дорога в дюнах» к профессии четко обозначена тремя периодами. Во-первых, это выбор профессии, во-вторых, это обучение профессии и, наконец, третий период (наверное, наиболее длительный) — это собственная профессиональная деятельность. О выборе профессии, о первом периоде, я довольно подробно рассказывал. Говорил, что в химию меня привела, с одной стороны, моя замечательная учительница, школьная учительница Валентина Николаевна Самохвалова. Всю жизнь я благодарен ей за ту любовь к химии, которую она мне привила. И, конечно, Николай Александрович Тихомиров, который точно так же привил мне любовь к математике. Об этом я тоже, в общем-то, рассказывал.

В 53-м году мы поступили в университет, и началась моя университетская биография, с которой связан и второй, и третий периоды. Вот уже шестьдесят лет вся моя профессиональная и вообще любая жизнь так или иначе связана с Московским университетом, без единого перерыва. Без единого перерыва.

Здесь мне, конечно, несказанно повезло, потому что будучи студентом еще второго курса (это было в 55-м году), я встретил своего великого учителя, в полном смысле этого слова, учителя с большой буквы, которой я обязан всей моей профессиональной жизнью, и не только профессиональной жизнью. Учитель этот, Клавдия Васильевна Топчиева, была учителем не только в профессии, не только в катализе, в кинетике, но и, конечно, была невероятным учителем жизни. Сначала я у нее учился, потом, в течение многих лет работал под ее началом. Без малого тридцать лет.

О ТКВ (так мы ее звали не только в нашей лаборатории, но и на факультете) я, конечно, мог бы рассказывать бесконечно долго, но, думаю, лучше этого не делать, потому что два года назад на химфаке был снят кинофильм в связи с ее столетием. Он наиболее подробно и, наверно, более интересно рассказывает о Клавдии Васильевне, и он помещен на сайт химического факультета. Поэтому тем, кто интересуется ее биографией, замечательной биографией, необычной биографией, можно прямо там это и посмотреть. А я лучше расскажу о тех прекрасных и чудесных годах моей студенческой и аспирантской юности, которая проходила целиком и полностью в стенах химического факультета, в Московском университете.

Иностранные студенты и сотрудники химического факультета МГУ

Я бы хотел сказать о двух особенностях, характерных чертах жизни МГУ в те далекие годы прошлого века, в 50-е — 70-е годы. Во-первых, и это очень специфический признак, который, к сожалению, сейчас уже в значительной степени утерян:

у нас было очень много иностранных студентов. Причем, не только из стран народной демократии, что совершенно естественно, но и из капиталистических стран. Мы как-то посчитали с моими коллегами, что подготовили специалистов (самого разного плана: и дипломников, и аспирантов, и кандидатов наук, естественно) из двенадцати стран.

В один прекрасный год у нас (это конец 70-х годов) в лаборатории было одновременно шесть человек из разных стран.

Т.Б.: Ух ты, здорово!

Б.Р.: Шесть человек из разных стран. Я хотел вам показать фотографию, по моим расчетам, это конец 60-х годов. Значит, здесь есть три человека, помимо, естественно, Клавдии Васильевны, которая в центре находится. Она здесь снята с сотрудниками, которые с ней работали, и с аспирантами лаборатории. Справа на этой фотографии Юра Сахаров, Юрий Дмитриевич Сахаров, младший брат Андрея Дмитриевича Сахарова.

Т.Б.: Как интересно.

Б.Р.: Очень интересный человек, очень необычный человек.

Т.Б.: Значит, в семье были и химики, и физики?

Б.Р.: Химики и физики. Более того, Андрей Дмитриевич довольно часто помогал, особенно с публикациями. Скажем, когда Юра уже ушел из лаборатории, несколько его публикаций было (я их видел) в «Докладах Академии наук» (он не стеснялся этого), которые представлял его старший брат. А вот на ступеньках сидят два совершенно необычных человека. Один из них, справа, китаец, фамилия его, вернее, звали его Клим Юньбинь. Он ученик Клавдии Васильевны, у нас в стране защитил кандидатскую диссертацию. Настоящая его фамилия Лю Юньбинь. Если вы вспомните те времена (тот, кто помнит), Лю — это фамилия одного из высших руководителей Китая. Он был генеральный секретарь компартии Китая.

Т.Б.: Это его сын?

Б.Р.: Да, это его сын, который был в свое время вывезен, как дети многих руководителей коммунистических партий в Европе и в Азии, в Советский Союз и воспитывались в известнейшем детском доме в городе Иваново. Потом ему поменяли, естественно, имя на революционное имя Клим, и он был все время Клим Юньбинь. После защиты кандидатской диссертации он довольно долго работал здесь (думаю, лет пять), потом уехал в Китай. Уехал в Китай и был там назначен, ни много ни мало, руководителем всей атомной промышленности. К сожалению, его судьба печальна, потому что он исчез в годы Культурной революции.

А второй человек, который с ним сидит, в беретике, — это наш аспирант, который приехал из Польши. Он замечателен вот чем: в возрасте четырнадцати лет он сражался в рядах французского Сопротивления, потому что его семья (шахтеры по профессии) еще до войны уехала во Францию, и когда началась война, он в четырнадцать лет, подростком, ушел в маки, в так называемые отряды маки. Вот такие совершенно необычные люди.

А я в университетском общежитии жил, у меня соседом был китаец Чжан Шоумин из Китая. Мы с ним в течение четырех лет дружно жили в одном блоке.

Т.Б.: Как в вашей лаборатории или в общежитии вы общались? Насколько я помню, иностранцы очень хорошо говорили по-русски.

Б.Р.: Да. Он совершенно свободно говорил по-русски. Не знаю, то ли он в Китае язык выучил... причем, насколько я понимаю, он приехал сюда на первый курс и не проходил, как сейчас студенты первый год целиком и полностью, и потом многие годы занимаются языком. Тем не менее, Чжан Шоумин очень хорошо говорил, разумеется, с акцентом, но очень свободно владел языком. И на курсе у нас было очень много иностранных студентов, я хотел специально о двух сказать. Тех, которые приехали из Чехословакии, тогда это была Чехословакия. Два человека, имена которых, думаю, подавляющему большинству химиков моего возраста известны. Это Карл Мартинек...

Т.Б.: О, да. Это известно всем.

Б.Р.: ...и Иво Звара.

Т.Б.: Он учился с вами?

Б.Р.: Иво Звара учился со мной. А Карл Мартинек — ученик Ильи Васильевича Березина. Иво Звара все время работал в Дубне, в лаборатории, которая сейчас носит имя Флёрова. Чем они замечательны? Карл Мартинек один из первых начинал на кафедре у Ильи Васильевича Березина, на кафедре энзимологии. Он начинал и основал, собственно говоря, новое направление — исследование процессов ферментативного катализа в неводных растворителях, в неводных средах. А Иво Звара разработал метод химической идентификации (лаборатория Флёрова занималась синтезом новых элементов) новых трансурановых элементов. Это вещь совершенно необычная, потому что, как вы прекрасно понимаете, новые элементы синтезировались, получались в количестве нескольких атомов. Как он это сделал — неизвестно. Но самое замечательное, почему я именно о них рассказываю? Дело в том, что они оба были удостоены самой высшей научной награды в нашей стране — Ленинской премии.

Т.Б.: Оба?

Б.Р.: Оба наши чеха.

Т.Б.: Да, действительно!

Б.Р.: Это уникальный случай, ни на одном курсе никогда ничего подобного не было и ни в одном институте, чтобы два чеха удостоены Ленинской премии. Карл был удостоен вместе с Ильей Васильевичем Березиным, в разные годы, а Иво Звара — вместе с Флёровым, в свое время.

Т.Б.: Ой, как интересно! А сейчас? Мартинек, я знаю, уехал обратно в Чехословакию, а Звара как?

Б.Р.: Не знаю. Знаю, что дочка его у нас на факультете училась. Совсем недавно мне о нем рассказывали. Он там был членом президиума, они оба стали академиками в Чехословацкой Академии наук. Карл занимал, по-моему, одно время пост вице-президента. Но, как вы знаете, там довольно строго с возрастом, как и во всей Европе: шестьдесят пять лет — всё, вы выходите на пенсию и лишаетесь возможности заниматься административной... наукой, ради бога! Про Иво Зваря плохо знаю, а о Карле Мартинеке все время идет информация. Вот это первая вещь, о которой я хотел рассказать, которая действительно отличала университет в те годы.

Т.Б.: Интернациональный состав.

Оборудование и стеклодувная мастерская химического факультета

Б.Р.: Да, очень интернациональный состав, причем, не один-два на сотню, а несколько десятков на сотню, на тысячу студентов. И второе, о чем я хотел рассказать, это, конечно же, о том, как и на чем мы работали.

Т.Б.: Да, вот это очень интересно.

Б.Р.: Это очень интересно. Это специальный рассказ.

Т.Б.: Историко-научная составляющая.

Б.Р.: 53-й год. Понятно совершенно, что все научные лаборатории, которые здесь начали работать в 53-м — 54-м году, конечно, работали на том оборудовании, которое на девяносто процентов было привезено, перенесено из старого здания.

Т.Б.: Но новое, наверное, тоже закупалось?

Б.Р.: Потом, потом, потом. Дело в том, что все деньги ушли на оборудование лабораторий: на столы, вот эти самые, так называемые магнитные пускатели, единственно, что было сделано в ГДР. Все остальное было отечественное, все абсолютно! И краны, и ручки, и двери, и запоры — всё, кроме этих магнитных пускателей. Естественно, я знакомился с этим оборудованием тогда, когда пришел в лабораторию Клавдии Васильевны, значит, 55-й — 56-й год. Мы занимались гетерогенным катализом. Я прекрасно помню грандиозного размера печи, они ставились горизонтально, с небольшим наклоном, примерно вот такого размера — полтора метра длиной. Мощность у них была невероятная. Они хорошо термостатировались, потому что там были так называемые «свинки», с ртутью такие замыкатели-размыкатели. Соответственно, раз такие огромные-огромные печи, и реакторá у нас были сделаны из кварца, почти двухметровые реакторá.

Т.Б.: Ничего себе!

Б.Р.: Понятно совершенно, что в такие реакторá мы загружали уж никак не граммы катализатора, а десятки граммов катализатора. И вот здесь я должен, конечно, вспомнить имена двух совершенно необыкновенных людей. Первый — Петр Иванович Поляков, который заведовал нашей стеклодувной мастерской. Какие у нас были стеклодувы! Таких сейчас вообще нигде с огнем не сыщешь. Они могли сделать все, что хочешь! В частности, очень трудное дело — работать с кварцем, потому что кварц высокоплавкий, тем не менее, они делали. Все наши реактора, которые, естественно, были из кварца сделаны, все были изготовлены в лаборатории Петра Ивановича Полякова. Мы ему необычайно благодарны.

Т.Б.: Да, стеклодувная мастерская у нас была очень основательная.

Б.Р.: Очень основательная была стеклодувная мастерская. Более того, они необычайно, благодаря, опять-таки, самому Петру Ивановичу, благосклонно относились к нам, к молодым ребятам, девушкам. В результате мы очень часто у них учились.

” Почти все люди в нашей лаборатории, включая и девушек, владели стеклодувным мастерством, умели все спаять-припаять. У нас даже были такие умельцы, которые могли так называемый дюаровский спай сделать. Это вообще высший класс!

Ясно совершенно, что всякие шлифы мы делали у Петра Ивановича. Но спаивать самим установки было совершенно естественно, совершенно естественно.

И второй, конечно, человек, который нам очень здорово помогал в эксперименте, в создании таких оригинальных, если хотите, несерийных приборов — это замечательный Сергей Павлович Алехин, заведующий нашими механическими мастерскими. Прекрасно помню общение с Сергеем Павловичем. Когда нам нужно было что-то сделать, мы приходили к нему и долго-долго рисовали чертежи, а он предлагал вот это, предлагал вот это. Кстати, несмотря на очень-очень давние времена, которые прошли с того времени, когда мы общались и с Петром Ивановичем, и с Сергеем Павловичем, у нас несколько установок, вернее, несколько приборов сохранилось. В частности, сохранилась так называемая трехкоординатная мешалка, которая в трех проекциях мешает. Она до сих пор у нас работает, она работоспособная, сделал ее Простаков. Вот такие были у нас мастера — золотые руки.

Анализ продуктов реакции. первый хроматограф

Нужно сказать, что современному поколению, поколению «next», очень трудно поверить в то, что я сейчас расскажу. Клавдия Васильевна нас всегда учила, что катализ — это, прежде всего, анализ. Я это на всю жизнь запомнил. И когда ко мне приходят аспиранты, я говорю: «Вы знаете катализ, катализ, катализ, но прежде всего вы должны наладить анализ продуктов реакции», потому что катализ — это, прежде всего, разумный анализ продуктов реакции.

Как мы анализировали? Жидкие продукты анализировались на колонке. Мы просто разгоняли продукт и по температуре кипения его идентифицировали. Понятно, что это были достаточно большие количества, несколько десятков миллилитров мы могли разгонять, причем колонки были огромные, высотой в два метра. А газы мы анализировали на приборе, он назывался «ВТИ». Почему-то, по каким-то причинам он был сконструирован и разработан в Текстильном институте, поэтому сокращение ВТИ означает Всесоюзный текстильный институт. Это была очень странная установка — такие ворота, в которых помещались несколько бюреток с разными поглотителями. Одну и ту же порцию газа мы делили на несколько частей в зависимости от того, что поглощалось. Скажем, олефины мы поглощали в броне, еще что-то поглощали и еще что-то. Вот такие у нас были вещи. Только потом появились хроматографы, лет через, думаю, восемь — десять появились хроматографы.

Т.Б.: То есть в 60-х?

Б.Р.: Да. Первый хроматограф (я без нежности не могу о нем вспоминать) — это хроматограф «Янек». Что он собой представлял? Собственно говоря, в те времена это был не газо-жидкостный хроматограф, хроматография была просто газовой хроматографией. Разделить смесь, скажем, углеводородов можно было и на колонке из окиси алюминия, на колонке из силикагеля. Плохо делилось, но делилось. Значит, что представлял собой хроматограф «Янек»? В жизни не поверите! Газоносителем был CO_2 . Когда мы анализировали газы (естественно, мы анализировали газы), на колонке происходило разделение компонентов газовой смеси, которые уносились CO_2 . Уносились в перевернутую вверх ногами маленькую микрогазовую бюретку, в которой поглощался CO_2 . Эта бюретка была наполнена концентрированным раствором NaOH , и CO_2 поглощался. А поскольку у нас компоненты-то выходили из колонки по-разному, то, собирая и деля выделяющиеся газы на фракции, мы, тем самым, могли, конечно, примерно...

Т.Б.: Погрешность определенная?

Б.Р.: Погрешность определенная, конечно. Два-три, не более, два-три газа мы определяли. Скажем, инертный газ, который вообще ничем не поглощался, не растворялся, олефины, которые разделялись... Таким образом мы это всё могли делать. Потом появились катарометры. Здесь я хочу как раз напомнить, о чем говорил вначале: очень многие у нас, в том числе и я (не хвастаюсь, это факт), владели стеклодувным искусством. Что интересно: первые катарометры, то есть детекторы по теплопроводности, мы делали сами. Я вам расскажу технологию, очень простую. Мы брали лампочку двадцать пять свечей. Почему двадцать пять? Потому что там максимальное сопротивление проволоки вольфрамовой. Аккуратненько вскрывали, убирали стекло и аккуратненько дамскими ножничками вырезали, вынимали эти две проволоочки. Потом брали стеклянную молибденовую трубочку с двумя отводами для газа, помещали ее вертикально, эту спиральку вывешивали внутри этой, очень тоненькой трубочки и запаивали концы сверху и снизу так, чтобы оставались хвостики. И получалось самое настоящее одно из плеч детектора по теплопроводности. Два таких плеча — это детектор. А электронику, вернее, не электронику, а так называемые «мостики» делали в наших мастерских. Мы это не могли сделать сами.

Т.Б.: Очень остроумно!

Б.Р.: Очень остроумно, да, и очень многие так у нас делали. Ведь в те времена новые экспериментальные вещи очень часто появлялись. Скажем, у нас на факультете (вы это знаете) один из первых вообще компьютеров появился под названием...

Т.Б.: «Ириша».

Б.Р.: ...«Ириша». Вот у нас «Ириша» была, абсолютно химфаковское создание. В ИОХе сконструировали (очень хороший, кстати) хроматограф под названием «Биохром». «Биохром» работал... более того, в то время уже достаточно взрослым человеком я был в официальной комиссии, которая БИОХРОМ принимала.

Т.Б.: А их серийно не выпускали?

Б.Р.: Потом, может, они ушли в серию, но разработка принадлежит иоховцам. Когда появились хроматографы, когда появилась возможность использовать малых размеров каталитические реактора, собственно говоря, тогда и началась то, что мы называем «миниатюризация» каталитического эксперимента.

” Раньше, как я уже говорил, мы вынуждены были работать с большим количеством катализатора, десять грамм — это была совершенно стандартная вещь! Сейчас это в принципе невозможно.

Но сейчас возникает проблема: очень активный катализатор с трудом удастся взвесить достаточно точно, потому что, скажем, минимальная навеска, которую я знаю из практики моих коллег, это всего пять миллиграмм. Всего несколько крупинок, и этого вполне достаточно. Вообще мы все сейчас работаем с так называемыми микрокаталитическими реакторами. Они, конечно, распространены во всем мире. Почему? Потому что маленький расход катализатора, но самое главное другое — вы можете работать с любыми экзотическими веществами, которые дорого стоят, которых мало и, вообще говоря, жалко. А мы используем микрошприцы, и всё, в общем, хорошо и нормально получается.

Т.Б.: Борис Васильевич, а если потом это идет в производственный процесс, там же как-то масштабировать эти вещи приходится? Это же не линейно, наверное.

Б.Р.: Конечно, не линейно, конечно! Но в те времена потребности нашей промышленности в меньшей степени покрывались университетскими работами. Все-таки в основном мы занимались фундаментальными вещами. Как раз моя первая экспериментальная работа в лаборатории, когда я только пришел в 55-м году, я калибровал термопару по точкам плавления чистых металлов, которые известны. Это была моя самая первая работа.

О дипломной работе и защите кандидатской диссертации

С Клавдией Васильевной мы обсуждали тему дипломной работы. Она была чисто фундаментальная. Довольно забавная вещь, ретроспективно сейчас вспоминая, это было здорово. Нужно было определить некоторые термодинамические константы адсорбции реагирующих веществ, но не в результате адсорбционных экспериментов, а в результате каталитического эксперимента. На основании знаменитого уравнения Фроста, которое было популярно в нашей лаборатории, поскольку до Клавдии Васильевны он заведовал нашей лабораторией. В 58-м году я защитил дипломную работу. Причем, тоже интересный момент: рецензентом моей дипломной работы был, к сожалению, сейчас покойный, Александр Яковлевич Розовский. Почему я о нем говорю?

” Потому что он был трижды моим оппонентом: рецензентом моей дипломной работы, оппонентом на кандидатской диссертации и оппонентом на докторской диссертации.

Т.Б.: Вот это удивительно!

Б.Р.: Да. Значит, я защитил диплом в 58-м году и в аспирантуре был до 60-го года. А в 60-м году (Клавдия Васильевна была тогда деканом факультета), думаю, по ее инициативе меня перевели на должность младшего научного сотрудника. А в 62-м году я уже успел защитить кандидатскую диссертацию. Причем, тоже немного необычно, не сама защита, а обстоятельства, которые ее сопровождали. Дело в том, что это был уникальный, единственный в истории нашей страны год, когда нельзя было защищать в своей организации. Я защищал диссертацию в ИОХе. Но поскольку Клавдия Васильевна очень доброжелательно и с огромным интересом относилась к моей работе, то она сама договорилась об оппонировании ни с кем иным, как с Алексеем Александровичем Баландиным.

Т.Б.: Ух ты, какой у вас был оппонент серьезный!

Б.Р.: Да, и к этому оппоненту я даже ездил домой. Он жил где-то в районе Арбата, сейчас уже адрес не помню, но мы с ним долго беседовали. Он тогда уже был немного глуховат, очень неважно себя чувствовал, и в тот день, когда должна была произойти защита, заболел, причем, заболел неожиданно. Днем защита, а утром он звонит Клавдии Васильевне, говорит: «Клавдия Васильевна, что делать?» Выручил всех Александр Моисеевич Рубинштейн. Он мгновенно был на совете назначен новым оппонентом, взял отзыв (отзыв, на мое счастье был написан) и, глядя на меня укоризненно и глядя внимательно в то, что было написано Алексеем Александровичем, высказал свое мнение о диссертации.

Т.Б.: Да, тогда нельзя просто заболеть оппоненту и зачитать отзыв, надо было третьего.

Б.Р.: Да, вот именно поэтому и был Александр Моисеевич, он нас выручил с Клавдией Васильевной.

Т.Б.: Да, это все было сложно, сложнее, чем сейчас.

Б.Р.: Да, может быть, я излишне подробно об этом рассказываю? Но вот почему. Защита была летом, и, наверное, до сих пор, уверен совершенно, в химии во всяком случае, в экспериментальной науке, не побит мой личный рекорд, который заключался в том, что после защиты меня утвердили, я получил диплом, «корочки» так называемые, через две недели.

Т.Б.: О, да!

Б.Р.: Это не случайно, не потому, что я выдающийся, не потому что Клавдия Васильевна помогла. Она, во всяком случае, в эти бюрократические вещи старалась не очень вмешиваться. Когда уж выходило за рамки разумного, иногда она связывалась с членами ВАКа. А это как раз связано с нашей поездкой на Кубу. Вот о ней я и хочу подробно рассказать.

Реформа кубинского высшего образования после революции

Дело в том, что кубинская революция, когда был свергнут Батиста, Фульхенсио Батиста и власть перешла в руки Фиделя и его соратников (это был 59-й год), политика кубинского правительства, в том числе и Фиделя самого, и людей, которые были связаны с образованием, была направлена (может, правильно, может, неправильно) на то, чтобы постараться максимально избавиться от всяких признаков американского наследия. Ведь после революции довольно многие интеллигенты, в том числе и преподаватели университетов, перешли, убежали в Америку, в Майами. Там штаб-квартира всех кубинских эмигрантов, причем, вы, наверное, тоже знаете, что у кубинцев возникло даже специальное, презрительное название этих людей.

” Они их называли «гусанос». По-русски это звучит как «хорош гусь», на самом деле по-испански это «червяки».

Т.Б.: (усмехается) Надо же!

Б.Р.: Есть еще одно замечательное выражение, которое тот, кто не был на Кубе в те годы, вряд ли поймет. Его очень часто употребляли, когда о ком-то шла речь: «Он „a noventa“» (noventa — девяносто по-испански). Майами находился от Кубы, от Гаваны, на девяносто миль. Поэтому было такое символическое...

Т.Б.: Перебежчик?

Б.Р.: Перебежчик — «а новента» назывался человек. «А новента» звучало в некотором уничижительном контексте.

Тогда кубинское правительство обратилось к нашему правительству с просьбой помочь проведению реформы высшего образования, которая целиком и полностью была построена по американской программе, на американских курсах, на американских учебниках. И на Кубу в 62-м году, в начале 62-го года, поехала довольно большая делегация нашего Министерства высшего образования. Тогда было Министерство высшего образования, министром был Михаил Васильевич Прокофьев, очень большой друг Клавдии Васильевны. Думаю, что не поэтому... она была деканом в то время и поехала на Кубу. Они там вели переговоры. Не очень долго, она вернулась, по-моему, недели через две. Но результатом этой поездки было вот что. Они привезли туда учебные планы наши, химфаковские, учебные программы, и, естественно, когда кубинские коллеги посмотрели на эти планы, они поняли, что своими силами, своих преподавателей, они не справятся.

Т.Б.: Не осият.

Б.Р.: Не осият. Поэтому они попросили тех людей, которые были в этой делегации, прислать своих учеников, людей, которых они знают. Думаю, что наше правительство и наши партийные органы отнеслись очень внимательно и очень тщательно к просьбе кубинского правительства. Поэтому, когда зашла речь о том, кого послать, то Клавдия Васильевна Топчиева рекомендовала трех человек с нашего факультета, чтобы помочь кубинцам освоить эти ученые планы, учебные программы. Это был Борис Лакшин, тогда просто Боря Лакшин, который сейчас профессор в Институте элементоорганических соединений, заведующий лабораторией инфракрасной спектроскопии. Затем, к сожалению, покойный, Виталий Карелин и я. Вот мы втроем туда, значит, были направлены. И утверждение моей кандидатской диссертации совершенно непосредственно было связано с поездкой, чтобы все трое были кандидатами. Чтобы ехали туда кандидаты наук. Настолько важной наше руководство считало эту поездку, что нас инструктировали на Старой площади в ЦК партии. Если потом это все происходило на уровне сначала парткома университета...

Т.Б.: Местного парткома.

Б.Р.: Да. Потом все спустилось в партком химфака. А нас принимал заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС. Мы с ним беседовали.

Т.Б.: И как прошел экзамен?

Б.Р.: Дело в том, что это был научный отдел, по-моему, он занимался вообще научными всякими делами. Знаете, не очень хорошо помню содержание, мы немножко трепетали, потому что, все-таки согласитесь, на Старую площадь пойти... не каждый день туда вызывают. Во всяком случае, все было очень доброжелательно. Но сразу возникли проблемы, проблемы заключались в том, что, конечно же, как преподавать? На каком языке преподавать? Английского...

Т.Б.: Они не знали?

Б.Р.: ...они не очень знали, во-первых, а во-вторых, они, конечно, не хотели, чтобы им на английском преподавали.

Т.Б.: Ну, да. Зачем им американский язык!

Б.Р.: Испанский язык в то время, это начало 60-х годов, был очень не распространен в нашей стране.

Как мы вышли из положения? Боря Лакшин нашел где-то у своих родственников старый учебник, довоенный учебник испанского языка того периода, когда испанские дети к нам приехали, когда шла гражданская война. Тогда Испания, испанский язык, испанская литература...

Т.Б.: Был подъем.

Б.Р.: Да, некоторый был подъем и некоторый интерес. И тогда издали учебник. Помню прекрасно этот учебник, он был уже весь раздробленный. Летом мы с Борей выходили к «Ломоносову» (*указывает в окно на памятник Ломоносову*), садились на лавочку у «Ломоносова» и при ярком солнечном свете читали этот учебник. Понятно, что это было...

Т.Б.: Первое погружение!

Путь из Ленинграда на Кубу

Б.Р.: Первое знакомство. Во всяком случае, когда туда отправились, мы с Борисом понимали, что на улицах не потеряемся. Сказать «Здравствуйте!» и все прочее, спросить, как пройти — это мы уже умели. Ведь никаких разговорников не было, абсолютно! Это 60-е годы, 61-й — 62-й год. Но нам все-таки здорово повезло, и вот почему. Мы отправлялись туда в конце года, был декабрь месяц, и не из Москвы. А в то время (61-й — 62-й) никакого абсолютно сообщения, ни прямого, ни косвенного, на Кубу не было! Совсем не было. Никакого.

Т.Б.: Вообще не было?

Б.Р.: Не было. Поэтому наше министерство через Алексея Михайловича Прокофьева зафрахтовало очень маленький пароходик под названием «Михаил Калинин». Этот маленький пароходик, водоизмещением всего пять тысяч тонн, возил туристов из Лондона в Ленинград и обратно.

Т.Б.: Ну, из Лондона в Ленинград недалеко, а это же по океану.

Б.Р.: Вот рассказ об этом впереди. Поэтому мы в декабре месяце уехали в мокрый, мокрющий Ленинград. Там снег шел, холодно было, но, к счастью, никто не заболел. Причем, нужно сказать вот какую вещь.

”
Ведь это был хвост Карибского кризиса, ситуация была далеко не мирная, далеко не мирная. Но мы тогда были молодые, легкомысленные, как-то не очень соображали, куда едем-то. Только потом все обнаружилось.

Т.Б.: Да, в пекло, можно сказать, этого кризиса.

Б.Р.: Это потом обнаружилось. Но повторяю, нам повезло. Вместе с нами (пароход же маленький, пять тысяч тонн всего), вместе с нами ехало несколько десятков тех бывших детей, которые были вывезены из Испании в 35-м — 36-м году, во время гражданской войны в Испании.

Т.Б.: Почему их туда везли?

Б.Р.: Потому что они владели языком и выучились здесь.

Т.Б.: То есть уже имели какое-то образование?

Б.Р.: Они имели прекрасное образование! Скажем, из Менделеевского института был доцент (не помню его фамилию), испанец, который...

Т.Б.: Владел двумя языками.

Б.Р.: ...естественно, владел двумя языками. И они сделали следующее. Каждого из нас разобрали по группам, и мы (пароходик-то маленький) две недели плыли из Ленинграда на Кубу и две недели погружались в испанский язык.

Т.Б.: Да, повезло!

Б.Р.: Они старались. Поскольку они знали русский язык, им не очень сложно было нам преподавать. Но (это потом только обнаружилось) ведь они не латиноамериканцы, они настоящие испанцы. А латиноамериканский испанский и настоящий испанский, из Испании, классический испанский — это кастильос так называемый. Вот они все говорили на кастильос. И нас научили кастильос. Поэтому, когда мы там заговорили (я расскажу, как это было) на испанском, кубинцы страшно удивились: «Откуда вы, интересно, знаете, откуда у вас правильное кастильское произношение?»

Так вот, в течение двух недель мы туда плыли. Естественно, это же был декабрь месяц, очень неприятная была Атлантика, и однажды начался жуткий шторм. Начался жуткий шторм, и все, абсолютно, обитатели нашего маленького корабля, пятитысячетонного, с утра до вечера проводили у бортика.

Т.Б.: Морская болезнь.

Б.Р.: Кроме нас. Я и Боря Лакшин не были подвержены морской болезни.

Т.Б.: Как это вам так повезло?

Б.Р.: Такая вот организация наших организмов. Но к чему я об этом рассказываю? Дело в том, что

«Михаил Калинин», я уже сказал, осуществлял круизы между Лондоном и Ленинградом, возил туристов, английских туристов. И понятно, что все холодильники были забиты очень хорошей едой. А наш стол, в столовой, накрывался на шесть человек. Значит, четверо у борта стояли, а мы с Борей...

Т.Б.: *(смеясь)* За них ели.

Б.Р.: *(улыбаясь)* Точно совершенно. Вы понимаете, 60-е годы.

Т.Б.: Не избалованы были.

Б.Р.: Не избалованы были едой. И самое главное: каждому из нас каждый обед полагалось по половине бутылки красного вина. А поскольку там стояло три бутылки красного вина...

Т.Б.: Ничего себе! Хорошо жили!

Б.Р.: ...мы с Борей напивались, как могли *(смеется)*.

Но действительно нам очень здорово помогла практика испанского языка. Все-таки двухнедельная практика, с утра до вечера.

Т.Б.: Да, с утра до вечера говорить.

Б.Р.: Мы по многу часов говорили.

Т.Б.: А что еще делать-то на корабле?

Б.Р.: Конечно, больше делать нечего, разумеется.

Когда мы начали подплывать к Кубе, обнаружили американские военные корабли, которые стояли там. Нас стали облетать американские самолеты, очень низко, смотрели, что там внизу, что идет пароход.

Вы помните эту историю: не дай бог, чтобы там что-то было закрыто брезентом. Они смотрят, какие-то людишки бегают. Я вспоминаю сейчас, конечно, со смехом, но тогда не очень соображали, что действительно напряженная ситуация. И когда над нами пролетал самолет, мы на палубу высыпали и махали...

Т.Б.: Я почему-то так и подумала.

Работа и жизнь на Кубе

Б.Р.: ...американскому летчику махали руками. Не знаю, что он там при этом чувствовал, но факт остается фактом, такая штука была. Значит, когда мы приехали в Гавану, нас, естественно, пригласили сразу в посольство. В то время был изумительный человек послом нашим, чрезвычайным полномочным, Алексеев. И под стать ему был весь персонал посольства. Мы очень с ними подружились, особенно с атташе по науке и культуре Юрой Гавриковым, который все время присматривал за нами, как мог, помогал и с деньгами, и с чем хотите.

Помимо нас троих приехало довольно много людей, химиков, технологов из Киева, Новосибирска, Казани, из разных городов. Человек двенадцать была наша делегация университетская, преподавательская делегация. Из всех двенадцати человек, это я с гордостью рассказываю, только мы трое преподавали, читали лекции на испанском языке.

Т.Б.: А остальные?

Б.Р.: Все прочие остались в Гаване, у них были переводчики. А мы работали-то и преподавали совсем не в Гаване, мы были в жутко провинциальном городе, который называется Санта-Клара, который в самом центре Кубы. Несмотря на то, что он в самом центре Кубы, кроме гостиницы, в которой мы первое время жили, высотной, там кроме двухэтажных других домов не было. Это махонький-махонький городок. Университет там был построен американцами. Великолепное здание университета! И назывался он Центральный университет.

Т.Б.: Ну, да, в центре Кубы.

Б.Р.: Центральный, потому что в центре именно Кубы (*усмехается*). И там вообще не было человека, знающего русский язык, поэтому волей-неволей...

Т.Б.: Делать было нечего.

Б.Р.: Да. Когда мы приехали туда, сначала мы были втроем, потом Виталий Карелин уехал в Сантьяго (это южная часть Кубы), а мы с Борей как раз в Санта-Клару. Нас прикрепили к профессору испанского языка, который, естественно, ни слова по-русски не знал. И мы с ним в течение двух с половиной месяцев... В начале декабря мы приехали... (*при счете на пальцах не сгибает их к ладони, а отгибает*). Это именно оттуда я привез дурацкую манеру сгибать пальцы не в эту сторону, а в обратную. Не могу избавиться! Моя супруга, когда видит, что я так делаю, косится всегда: «Что ж ты никак от этой дурацкой привычки...» Представляете, сколько лет прошло, и до сих пор.

Т.Б.: Испанская привычка.

Б.Р.: Испанская привычка, но американского происхождения. Думаю, американская привычка, если

вы в кино обращали внимание — они разгибают пальцы. Ну, так вот, через два с половиной месяца мы стали читать лекции на испанском языке. Но был один нюанс.

” Когда мы, приехав в Санта-Клару, встретились с руководством, с ректором университета, то увидели, что атмосфера была не то что напряженная, но очень специфическая. Однажды, когда мы поехали на какой-то пикник вместе с ректором, ректор как-то двигался, и я вижу, у него пистолет за пояс заткнут. И у других тоже.

Т.Б.: Всё настороженно было.

Б.Р.: Да, всё было настороженно. А все остальные так и не выучили испанский. Но Виталий Карелин, он там еще остался после нас на несколько лет, насколько блестяще владел испанским языком, что, ни много, ни мало, был личным переводчиком у Че Гевары, потом, в самом конце. Личным переводчиком Че Гевары!

Т.Б.: Вот это да, как освоил!

Б.Р.: Да, представьте себе. Вот. Я, химик, ехал туда читать физическую химию, ясно совершенно. Не свою кинетику и катализ, а физическую химию. Боря Лакшин — органик, значит, читал органическую химию. И вдруг выяснилось, что преподаватель, который мог читать аналитическую химию, «а новента»...

Т.Б.: Сбежал.

Б.Р.: ...а в программе курс стоит. И они нам предложили читать. «Вы что будете читать?» Я говорю: «Физическую химию. — А аналитическую химию? Ну, хотя бы физико-химические методы». Я: «Ну, ладно, давайте почитаю». Кроме того, там были еще методы обработки результатов, то есть математическая статистика. С ней произошла очень интересная вещь. Они тоже ко мне пристали: «Вот вы физхимик? — Физхимик. — Вот и читайте». Как читать? Я же с собой ничего не взял. Физхимия, понятно, что книжки Панченко, Лебедева, Герасимова я взял с собой, а этих нет. «Нет, будете читать. Нужно же читать студентам. — Ну, ладно, буду читать». Пошел в библиотеку (*смеется*). Нашел английскую литературу, на испанском не было литературы совсем, нашел английскую литературу. Потом извинился перед ребятами. «Вот, говорю, дело в том, что вы мне должны помочь, подумайте, пожалуйста, может быть, у вас дома есть какие-то книги по этой дисциплине, но я вынужден использовать английские термины». В СССР я вообще не занимался этим. Потом, когда вернулся, с наслаждением слушал лекции Налимова, которые у нас на факультете читались.

Т.Б.: Да-да, по обработке.

Б.Р.: По обработке, вообще по статистике. Был блестящий совершенно лектор, до сих пор вспоминаю очень многие его вещи. Короче говоря, лекций пять или шесть я читал по методам обработки результатов. Но самое интересное в том, что когда я вернулся в Советский Союз, на родину, то выяснилось, что не знаю русских-то эквивалентов этих терминов, которые я выучил на английском языке. Поэтому в течение какого-то времени мне приходилось переводить англоязычные термины на русские. Потом, когда появились лекции налимовские, то я, так сказать, все это освоил.

Теперь, что касается студентов. Студенты очень хорошо к нам... Вообще отношение было к нам исключительное, потому что они прекрасно понимали, что люди молодые, оторванные от семей, оторванные от своей работы (мы же приехали туда уже кандидатами, то есть были работающими профессионалами), поэтому очень дружелюбные... Потом, мы не намного старше были этих наших студентов. Один эпизод я очень здорово запомнил, и очень часто, когда мои современные студенты чего-то не понимают, я им этот эпизод рассказываю. Значит, когда я начал читать физическую химию... Вы знаете, когда человек молодой, он старается максимально строго читать, на самом высшем уровне?

Т.Б.: Да.

Б.Р.: Ну вот. Прочитал я три лекции. Ко мне подходит студентка моя, Нейда Гонсалис, и говорит (по-кубински любой преподаватель, в том числе и в средней школе — это «профессор»): «Профессор! Вы немножко сложно нам читаете эти вещи, у нас не все понимают» (К себе она это не относил — многие не понимают). Я удивился, говорю: «Нейда, хорошо, но как же читать вам?» И она произнесла патетическую фразу. Я произнесу ее по-испански, вы поймете, о чем речь: «a nivel de cretinos» (*смеется*). «Nivel» — это «уровень» по-испански. «A nivel de cretinos» — «На уровне кретинов» (*смеются*).

Т.Б.: Вот так!

Б.Р.: Оно не такое жесткое в испанском языке, это «cretinos». Но я эту фразу на всю жизнь запомнил и очень часто своим студентам говорю: «Не понимаете? Ну, я вам буду читать...» и рассказываю этот эпизод.

Вообще, конечно, нам немного тяжело там было жить. Почему? Потому что до сих пор там карточки не отменили, и в те времена были карточки.

Т.Б.: Как до сих пор?

Б.Р.: Да, до сих пор. Другое дело, что рационы теперь совсем другие, не такие, как в те времена, но тогда действительно было сложно. Единственное, что нас здорово выручало, наличие наших советских военных складов. Их командование нам разрешило (нас немного было русских, особенно в Санта-Кларе, там вообще было пять человек и все! кроме солдат, разумеется), и нам разрешили пользоваться их овощами и, самое главное, тушенкой. Вот мы тушенку там использовали.

Т.Б.: Подкормиться надо было молодым.

Б.Р.: Поскольку Боря Лакшин был со своей супругой и с дочкой Милкой, то Нина иногда ходила на рынок и готовила нам дома из их продуктов, на нас троих готовила. Однажды она сварила какой-то очень вкусный рыбный суп. Мы говорим: «Ниночка! Где же ты такую замечательную рыбу купила? — Я, говорит, ходила на рынок. — А что это за рыба-то? — Да бог ее знает, мне понравилась. — Как хоть она называется-то? — Сейчас, говорит, вспомню. А! Она называется тибурон». Мы чуть не упали — это акула по-испански (*смеются*).

Т.Б.: Да что вы?! Вкусный суп из акулы?!

Б.Р.: Очень вкусный суп.

Т.Б.: Как интересно.

Б.Р.: Жили мы в квартире бывшего врача, который уехал «а новента». Климат же очень жаркий, поэтому почти все дома у них, знаете какие? Двумерные, даже не трехмерные, вытянуты лицом к улице. Длинный-длинный-длинный коридор, а справа комнаты. Коридор открытый, дерева, конечно, никакого нет, все выложено камнем. Стирать можно было наверху, кухня с прекраснейшим американским холодильником. Я даже помню название улицы — наша улица Канделария. Была такая у них народная героиня Канделария, и мы жили на calle Candelaria. Поэтому, когда мы встречаемся с Борей Лакшиным (мы сейчас с ним заседаем в одном совете, здесь, на химфаке), я иногда ему говорю: «Как calle Candelaria поживает?» А сам университет был не в городе, он был за городом, очень красиво расположен в пальмовом лесу. Каждое утро мы туда ездили. Причем, ездили, по-современному маршрутные такси, на таких очень странноватых джипах с брезентовым верхом, которые к ним поступали из Польши.

Т.Б.: Социалисты помогали.

Б.Р.: Да. Поэтому машины, на которых мы ездили (там скамеечка и тент сверху), называли (не мы, а кубинцы, естественно) полекиты, что значит «полячки».

Т.Б.: Да, хорошо.

Производство тростникового сахара

Б.Р.: Ну, что еще из ярких впечатлений кубинских? Очень интересно, что там, на Кубе, я впервые понял и узнал, и потом на долгие годы сохранил, что такое замкнутая технологии. Как вы прекрасно знаете, Куба — один из крупнейших, мощных производителей сахара.

Т.Б.: Ну, да, тростник.

Б.Р.: Да. Они производили в год сахара около десяти миллиардов тонн. Причем, сами расходовали только один миллиард, а девять отдавали на экспорт. Понятно совершенно, что когда Америка отказалась с ними торговать, все девять миллиардов поплыли к нам в страну. Но само производство было совершенно замечательное. Сахарные заводы, которые, естественно, работали только на сахарном тростнике, назывались централь. Централь — не прилагательное, а существительное, централь — это завод по переработке сахарного тростника. Что он представлял собой? Это действительно некий завод, который со всех сторон окружен плантациями сахарного тростника. То есть в центре плантации сахарного тростника находится централь, потому она и централь.

Когда начинался сбор, когда начиналась так называемая cosecha (cosecha — уборка урожая сахарного тростника), все абсолютно, и армия, и мы тоже ходили на уборку сахарного тростника, потому что это был очень коротенький период. Нас всех снабдили мачете, нужно было брать за стебель этот тростник, отрубать его недалеко от земли и вторым движением отрубать верхушку, и бросать все в одну кучу. Все кучи складывались, погружались на повозки (иногда автомобили, иногда повозки) и везлись концентрически с разных сторон к этой центральной.

Почему я говорил о замкнутой технологии? Дело в том, что централь ничего не расходовала. Почему? Потому что у нее было свое электричество. Откуда? Выжатый сахарный тростник — великолепное топливо [биогаз]. И все тепловые моменты на центральной целиком базировались на этом газе. Дальше, никакой воды туда не подводилось. Почему? Сок сахарного тростника испарялся? Испарялся! Они конденсировали эту воду и заливали обратно. Абсолютно безотходное производство. Смотрите: с разных сторон идут повозки с сахарным тростником. Туда ничего, ни электричества, ни воды, ни газа, вообще ничего не поступает. А оттуда идет сахар.

Т.Б.: Да, действительно, совершенно безотходное.

Знакомство с Грэмом Грином

Б.Р.: И я расскажу о нескольких интересных встречах. Куба, в общем-то, тогда, в результате Карибского кризиса и вообще несколько необычного положения самой Кубы в Латинской Америке, конечно, привлекала очень многих, европейцев в том числе. Мы сначала жили в этой высокой гостинице в самом центре города. Перед гостиницей была центральная площадь, в зелени вся, скамейки стояли. И мы с Борей Лакшиным в одно из воскресений вышли и присели на скамейку. Все скамейки были заняты, а на одной скамейке, так с краешку, очень аккуратно, скромненько сидел человек, намного постарше нас.

Мы, естественно, по-русски говорили, сидя на скамейке. Чувствуем, что этот человек прислушивается к тому, что мы говорим, и обратился к нам на английском языке. Говорит: «Вы из России?» Мы говорим: «Да, да, из России. — А что вы тут делаете?» Мы ему рассказали, что преподаем в университете, живем здесь пока, потом нас переселят в квартиры. Естественно, мы поняли, что он европеец, не по-испански, а по-английски говорит, причем с очень хорошим английским произношением. Мы стали у него выяснять, собственно, а вы кто? И он как-то немножко, не то, что смутился, но говорит: «Даже не знаю, как вам представиться, но, поскольку вы из Советского Союза, я знаю, что там мое имя известно, и книги мои известны. Я — Грэм Грин».

Т.Б.: Ух ты! Вот это да!

Б.Р.: Вот так мы познакомились с Грэмом Грином.

Т.Б.: Какой судьбой его туда закинуло?

Б.Р.: Он вообще необычный человек.

Т.Б.: Он там работал или просто приехал?

Б.Р.: Вы знаете, сейчас даже не помню. В те времена мы страшно увлекались Грэмом Грином. Это же 60-е годы, у нас переводили все, что он писал. И «Тихий американец», и самая его замечательная книга «Комедианты», по которой фильм поставлен. Поэтому мы немножко ошалели от такого знакомства. Но больше мы с ним не встречались.

Туда довольно часто приезжали наши советские делегации. К тому времени, когда мы начали преподавать, когда весна настала, мы уже очень неплохо владели испанским языком. А поскольку в Санта-Кларе других переводчиков не было, то когда приезжала какая-нибудь делегация, иногда на очень высоком уровне приезжали делегации, то нас просили помогать. Однажды приехала делегация, в состав которой входил Павел Попович, космонавт. Была принята обязательная встреча с народными массами на площади. В гостинице, где мы жили, много людей собралось. И балкончик. На нем Павел Попович выступает, и я при нем. Он хочет поприветствовать людей и говорит по-русски: «Я приветствую славных жителей кубинского города...» И забыл, как город называется. Спрашивает меня: «Как город называется?» Я говорю: «Санта-Клара». Санта-Клара!! (*смеются*). Помню этот эпизод.

Т.Б.: Легко удавалось переводить? Все-таки это уже синхронный перевод.

Б.Р.: Нет, легко. Мы действительно очень хорошо... не только я, но и Боря. Однажды мы смогли поехать отдохнуть. Там есть такое замечательное место (*неразб.*), великолепная гостиница. Возвращались обратно, сидим на остановке автобуса и молчим. Рядом с нами женщина. То ли ей скучно было, то ли что, она, естественно по-испански, с нами заговорила. И мы стали что-то рассказывать по-испански. Долго автобуса не было, поэтому долго мы с ней болтали. А потом она говорит: «Что-то никак не могу понять, у вас какой-то непривычный для меня акцент, вы, наверно, из Аргентины?» Ничего комплиментик был, правда? (*смеются*) Мы из Аргентины.

Т.Б.: Другой испанский.

Б.Р.: Да, не кубинский акцент. Вообще, очень яркая, конечно, поездка.

Т.Б.: Вы там пробыли год?

Б.Р.: Ровно год. День в день. Причем, когда я вспоминаю наше пребывание на Кубе, очень часто вспоминаю такое присловье, что когда вы уезжаете в чужую страну и живете в чужой стране, то трудно бывает только первый месяц. А потом еще трудней!

Т.Б.: Вот как (*смеется*).

Б.Р.: Мы очень скучали, не только потому, что семьи были здесь. Не знаю, ностальгия была ужасная по родине. У нас был обратный календарь, на котором написано: «осталось столько-то дней». Тут уж мы точно... у нас же контракт был, который кончался 25 декабря. И мы отсчитывали, сколько дней осталось. До сих пор это помню, и Галя моя вспоминает. Потом она ко мне приехала на некоторое время.

Еще один эпизод связан вот с чем. Дело в том, что все латиноамериканцы, а кубинцы особенно, они очень, не то, чтобы настроенно, скорее, очень осторожно относились к американцам.

Это нашло отражение даже в языке: ни один латиноамериканец никогда не скажет слова «латинос». Немножко пренебрежительное слово, но иначе мне трудно рассказать. Ни один «латинос» никогда не скажет «американец». Он всегда скажет «нортеамерикано» — северо-американский. Подчеркивая, что это вы, а это мы.

Т.Б.: Они же тоже американцы?

Б.Р.: Но мы южные американцы, а вы — северные. Причем, они не различают, канадцы, американцы — все у них «норто американос». Вот такая интересная вещь. Помню еще ноябрьский вечер, 22 ноября, я был в Гаване. Деньги нам выплачивали в посольстве, поэтому мы каждый месяц вынуждены были кого-то посылать. В данном случае я поехал за деньгами для всех нас. Ноябрь месяц, но было жарко, я вечером вышел на улицу и решил купить газету. Было часов десять примерно, уже стемнело. И что-то необычное у газетного киоска, никогда такого не было — стояла очередь, наверное, человек пять. Десять вечера, все уже дома сидят, телевизор смотрят. Я спрашиваю последнюю стоящую: «Почему такая очередь? — Вы знаете, Кеннеди убили». Было 22 ноября. Причем, женщина сказала это таким равнодушным тоном, как будто завтра дождь пойдет. Вообще, в кубинских газетах очень мало освещали эти страшные трагические события. Потом, когда я попал в Техас, видел на том месте, где в Кеннеди попала пуля, такую маленькую доску.

Т.Б.: Табличка?

Б.Р.: Табличка, да. Круглая, на асфальте. Причем на асфальте, не на здании, из которого стреляли. Здесь был убит Кеннеди.

Возвращение в Москву

А в конце декабря, к времени отъезда уже было налажено самолетное сообщение. Тоже необычное немножко. Это был ТУ-114, такой здоровенный самолет, понятно, он без посадки летел.

Т.Б.: Сколько? Тоже, наверное, часов десять, одиннадцать?

Б.Р.: Четырнадцать. Он медленный, он же винтовой, даже не турбореактивный, а винтовой.

Т.Б.: Ну да, сейчас десять часов, а тут четырнадцать.

Б.Р.: Мы вечером вылетели, и из-за того, что лететь столько часов (он же нигде не дозаправлялся) очень мало было пассажиров, а дополнительные баки были залиты топливом, керосином были залиты. Мы все устали, конечно, разложились, нужно было лечь спать. И мы заснули.

В двенадцать часов, почти в двенадцать, приходит стюардесса и говорит: «Ребята! Вставайте. Идите к иллюминатору». Идем к иллюминатору. Под нами Северный полюс. Мы летели через Северный полюс в Москву.

Т.Б.: Смотрите-ка, даже разбудила показать.

Б.Р.: Да, немногие же видели Северный полюс, тем более, оттуда. А когда я приехал в Москву, очень нежной была встреча со стороны Клавдии Васильевны. Она, конечно, очень много писала писем. Эти письма до сих пор в архиве лаборатории есть. Ирина Федоровна Московская очень часто вспоминает

не печальные, ностальгические письма, в которых я описывал свое пребывание. Я писал Клавдии Васильевне, а она потом в архив лаборатории их отдавала. И когда я первый день пришел в лабораторию, не помню, вошел в какую-то комнату и, стоя спиной к двери, с кем-то разговаривал. А ей, видимо, кто-то сказал, что Борис пришел в лабораторию, она тихо подошла ко мне сзади, обняла и поцеловала. Это было страшно трогательно!

Но когда немножко обвык, я понял очень необычную вещь. Год всего, ну, подумаешь, год! Совсем немного, на первый взгляд. На самом деле все очень здорово изменилось. Более того, в лаборатории появилась совершенно новая тематика, о которой я вообще не знал.

Т.Б.: Какая?

Б.Р.: Это тематика, которая связана с цеолитами. С теми цеолитами, которые потом завоевали весь мир. Вот. Но это уже совсем другая история, которую я расскажу в следующий раз.

Т.Б.: Да, про цеолиты как раз будем говорить.

Б.Р.: Третий период моей жизни, чисто профессиональный период, когда я работал с Клавдией Васильевной и когда я работал уже самостоятельно, вот это в следующий раз обязательно расскажу.

Т.Б.: Хорошо, спасибо!